

The illustration depicts a man in a dark, heavy coat and a flat cap standing in the foreground, looking off to the side. Behind him, a vintage car with its headlights on is driving down a street. In the background, there are large, multi-story buildings, suggesting a city setting. The overall style is that of a classic pulp magazine cover.

ВАЛЕРИЙ
ШАРАПОВ

ЗЛОВЕЩИЙ ТРОФЕЙ

Тревожная весна 45-го. Послевоенный детектив

Валерий Шарапов
Зловещий трофей

«ЭКСМО»

2021

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Шарапов В. Г.

Зловещий трофей / В. Г. Шарапов — «Эксмо»,
2021 — (Тревожная весна 45-го. Послевоенный детектив)

ISBN 978-5-04-117232-9

Послевоенную столицу потрясает серия громких убийств работников железной дороги. Каждый раз после расправы преступники что-то упорно ищут в домах своих жертв. Оперативники МУРа Иван Старцев и Александр Васильков замечают на месте преступления важную улику – след трофейного немецкого автомобиля. Таких машин в Москве всего несколько штук. Остается найти владельца и через него выйти на злоумышленников. Внезапно такая, казалось бы, простая задача становится для сыщиков настоящей боевой операцией...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-117232-9

© Шарапов В. Г., 2021
© Эксмо, 2021

Содержание

Пролог	6
Глава первая	9
Глава вторая	14
Глава третья	20
Глава четвертая	26
Глава пятая	31
Глава шестая	34
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Валерий Георгиевич Шарапов

Зловещий трофей

* * *

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

© Шарапов В., 2021

© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2021

Пролог

Ближнее Подмосковье

Лесной массив восточнее Ярославского шоссе

Конец мая 1945 года

В одном из овражков посреди густого смешанного леса, простиравшегося на многие километры северо-восточнее Московской окружной железной дороги, горел яркий костерок. Возле него сидели двое относительно молодых мужчин. Точно их возраст определить было сложно. Оба давненько не стригли волос, не брились, не посещали баню. В таком же неопрятном состоянии пребывали и их одежда с обувью.

Вечерело. От безветрия дымок тянуло вверх, но в сумерках над лесом его не заметил бы ни один внимательный взгляд. Дно овражка было покрыто слоем прошлогодней листвы, сквозь которую обильно пробивалась молодая травка.

По правую руку от светловолосого мужчины лежал кожаный коричневый шлемофон, немецкий пистолет-пулемет «MP-40» и офицерский ремень с брезентовым подсумком для трех запасных магазинов. На мужчине был старый пиджак, надетый поверх тонкого шерстяного свитера. Черные широкие брюки, легкие тряпичные туфли непонятного цвета.

По левую руку был накрыт «стол». «Столom» служила старая измятая газета «Известия» от 10 мая 1945 года. На ее первой странице размещались в ряд три портрета: Сталина, Черчилля и Трумэна. Слева под портретами публиковалось обращение товарища Сталина к народу. Справа – приказ Верховного главнокомандующего.

Тексты обращения и приказа было не разобрать, так как аккуратно на них лежала нехитрая закуска: испеченная в золе картошечка, пожаренная на костре рыбка, вскрытая банка консервов да краюха ржаного хлеба.

Второй мужчина был немного постарше, высок, широкоплеч и хорошо сложен. Одет он был в добротную офицерскую форму: зеленый китель без погон, в синие галифе, давно нечищенные хромовые сапоги. Кителек и галифе, правда, были на размер или два поменьше – видно, достались с чужого плеча.

Рядом с ним на расстеленной шинели валялся ремень с большой кобурой армейского «вальтера» и эсэсовский кинжал. Чуть подальше на траве лежали удочки из срезанной свежей лещины. Между ног здоровяка стоял раскрытый вещмешок, над которым он разливал по кружкам водку.

– Давай, Игнат, за удачную вылазку, – подал он кружку напарнику.

Тот принял посудину, с удовольствием вдохнул запах водки.

– Чтобы нам завсегда фартило, – сказал он низким хрипловатым голосом и залпом опрокинул в себя алкоголь.

Выпив, принялись за картошечку и рыбку, которую недавно наловили в прудах между Мытищами и Оболдино. Немного придавив в желудках голод, закурили.

– Хорошо, – откинулся на шинель здоровяк. – Скоро лето. Заживем.

– Летом везде хорошо, – согласился Игнат. – Но знаешь, что я тебе скажу. Опасно возле Москвы отираться. Здесь одних энкавэдэшников – пехотный корпус, если считать по головам. Плюс легавые, вояки да моссеры¹. Не ровен час напоремся.

– Что предлагаешь?

– На юга надо подаваться. На Кубань, на Кавказ или к Черному морю. Я дезертировал в мае сорок четвертого и сюда добирался кружным путем через Ростов и Ставрополь. Тут только до октября можно жить припеваючи, покуда морозы не вдарят. А там круглый год как у Христа за пазухой: воруй да пей сулейку².

– А что там конкретно?

– Тепло там, Паша, и это главное. А так... народу поменьше, жизнь поспокойнее, фрукты, овощи, баранина, вино.

Здоровяк по имени Павел глубоко затянулся табачком, задумался. Потом поднялся с шинели, сел, пульнул окурок в костер. Сплюнул в сторону и сказал:

– Тепло я люблю. В штрафной роте на всю оставшуюся жизнь насиделся по блиндажам да окопам в лютый мороз и в распутицу. Солнца хочу. Только чего ж пустыми-то ехать? Там надо местечко подыскать, осмотреться. Может, шоблу подходящую полукать³. Для этого, Игнат, башли надо иметь.

– Так взяли ж!

Паша усмехнулся, оскалив два золотых зуба. Из кармана галифе он достал и бросил на шинель десятка два скомканных купюр, а из нагрудного кармана кителя вынул горстку золотых ювелирных изделий.

– Этого хватит только на дорогу. А там что же, в паломники⁴ подаваться?

– А помнишь, ты сберкассу предлагал взять?

– Было дело.

– Так чего ж? Давай обмусолим и организуем налет. Прихватим сто кусков наличмана, а?

– Не пыли. – Здоровяк разлил по кружкам оставшуюся водку. – Тут помозговать надо. Времечко ныне беспокойное: война закончилась, страна в разрухе, жрать нечего... А денег на руках много, особенно у демобилизованных офицеров. Вдруг Рябой⁵ денежную реформу замыслит? Что тогда делать с сотней кусков? Заявиться с ними в другую сберкассу и попросить поменять?

Вопрос поставил простоватого Игната в тупик. Выпив водку, он схватил кожаный шлемофон, занюхал им и прохрипел:

– Как же быть?

В ответ Паша сгреб с шинели скомканные купюры. На шинели остались лежать золотые ювелирные изделия.

– Рыжье и шелуха⁶. Усек?

– Нет.

– Рыжье и шелуха всегда останутся в цене опосля любой реформы.

– Точно! – расплылся в улыбке Игнат.

– То-то же. А барыга⁷ в любом городе найдется. Только вот что... – здоровяк рассовал обратно по карманам добычу. – Чтобы дело вышло верным, надо бы оседлать агрегат⁸.

¹ Моссер – осведомитель или сотрудник уголовного розыска.

² Сулейка – водка.

³ Лукать – искать что-либо, вызнавать, бродить в поисках.

⁴ Паломник – вор, совершающий кражи с прилавков магазинов и базаров.

⁵ Рябой – одно из прозвищ Сталина в уголовной среде.

⁶ Рыжье и шелуха – золото и бриллианты.

⁷ Барыга – скупщик краденого.

⁸ Оседлать агрегат – угнать автомобиль.

– Автомобиль, что ли?

– Да. Чего ты на меня вылупился? На нем сподручнее и делишки обстряпывать, и от мусорни уходить. А коли справим добрые бирки⁹, то и на юга махнем на собственных колесах...

Небо становилось серым, в лесу быстро темнело.

Паша вынул из вещмешка вторую бутылку водки, разлил по кружкам очередную порцию.

Выпив и закусив, дружки еще долго обсуждали у затухавшего костерка планы на ближайшее будущее...

⁹ Бирки – документы, удостоверяющие личность.

Глава первая

Венгрия. Недалеко от северного берега

озера Балатон

15 декабря 1944 года

Густой лес еще сохранял таинственную сумрачность, но позади над восточным горизонтом уже полыхнуло красно-оранжевое зарево. Начинался новый день.

Командир дивизионной разведки майор Павлов подыскивал удобную для большого привала полянку. Люди устали. Пора было подкрепиться и как следует отдохнуть.

Этот выход не заладился с самого начала. Приказ собрать группу из двенадцати человек поступил из штаба фронта неожиданно, под вечер. Из всей разведроты живыми-здоровыми числились только девять душ, включая самого ротного. Семнадцать бойцов мотались по госпиталям с различными ранениями, рядовой Курбанов второй день дрисстал, не вылезая из кустов, его за линию фронта не возьмешь – замучает остановками. Федя Хлынов – надежный и верный помощник – каждый день пехом мотался в санвзвод на перевязки. Ранение он получил во время неудачного «поиска», когда группа была обнаружена и отходила с боем. Его участие в рейде тоже было под большим вопросом.

Павлов построил всех имевшихся в наличии, вкратце обрисовал задачу, приказал снять погоны, сдать документы и ордена, получить боеприпасы, сухари, хлеб, тушенку. Подошедший комдив поначалу рыкнул:

– Почему так мало людей?!

Услышав ответ Павлова, сбавил обороты:

– Ладно... Но надо бы добрать хотя бы до десятка.

Надо бы, да где этого десятого взять? Не родить же... И снова вспомнился друг Хлынов. Сколько раз после ранений и госпиталей Павлову и Хлынову предлагали перейти из разведки в один из полков дивизии. Не пацаны уже. Как ни крути, а должности для таких офицеров в строевых частях поспокойней, чем в разведроте. Что ж, иногда мыслишки об отдыхе посещали – зачем кривить душой? Ведь постоянное физическое и психическое перенапряжение выматывало так, что организм и душевное состояние требовали отдыха или хотя бы передышки. Но удивительное дело: когда они случались, эти передышки, то мысли начинали работать в другую сторону. Когда Павлов в последний раз валялся в медсанбате с пробитой осколком ногой, то так затосковал по товарищам и разведке, что едва хватило терпезу долечиться.

Вышли с позиций еще засветло, пару километров топали вдоль линии фронта по обочине грязной разбитой дороги. И тут вдруг навстречу капитан Хлынов с перевязки. Вот радость-то! Остановились. Оказалось, что его эпопея с ранением закончена, повязок больше нет – сняли.

Узнав, что к чему, Федор решительно заявил:

– Я с вами!

– Выдюжишь после месячного простоя? – только-то и спросил Павлов.

– Еще как! – ответил капитан, готовый пристроиться в хвост группы.

А чего ему было раздумывать? Здоров, полон сил, оружие и дневная пайка при себе. Правда, документы с наградами не сдал. Вполголоса он напомнил об этом Павлову. Тот отмахнулся:

– Ладно, чего уж... не смертельно.

Что ни говори, а майор был очень рад такому повороту. Хлынов – давний друг, опытный разведчик. Такой во вражеском тылу троих стоит.

Ну а Федор засунул бумаги поглубже в сапог, ордена-медали в холщовый мешочек, да подальше в карман галифе. И, поправив висевший на плече автомат, зашагал замыкающим группы...

* * *

Наконец Павлов наткнулся на подходящую полянку, покрытую островками еще зеленевшей травы. Сбросил с плеча автомат и кивнул товарищам:

– Здесь. Привал два часа.

– Наконец-то, – устало прошептал старшина Савин.

Он тоже поспешил освободиться от оружия и тяжелого вещмешка, где помимо харчей лежали боеприпасы и медикаменты.

Однако командир разрушил его надежды:

– Старшина, ты первый в дозор.

– Слушаюсь, – проворчал тот.

– И повнимательней. Капитан несколько раз слышал странные звуки.

– Неужто увязался хвост? – Старшина опасливо посмотрел в ту сторону, откуда пришла группа.

– Не исключая...

Затяжной марш-бросок вымотал разведчиков. Едва наступила ночь, они пересекли линию фронта и сразу же углубились в немецкий тыл. Шли без отдыха, обходя ровный и безлесный северо-восточный берег озера Балатон. Гражданское население Венгрии жило хорошо и довольно сытно; отношение к советским бойцам было настороженное, но без агрессии. Тем не менее разведка действовала по старому, проверенному принципу: чем меньше людей знает о группе, тем больше у нее шансов вернуться к своим. Потому и кружили по густым лесам. Лишь дважды группа останавливалась на короткие перекуры, и оба раза прикрывавший товарищей капитан Федор Хлынов предупреждал о подозрительных шорохах и звуках.

– Что скажешь? – тихо спросил майор, когда остановились на полянке.

– В последний раз слышал часа два назад. – Хлынов расстегнул ворот гимнастерки.

– И на что это было похоже?

– Будто сухая ветка сломалась под ногой. Полная тишина. Потом – короткий щелчок.

И опять тихо.

Павлов пожевал нижнюю губу, качнул головой. И предположил:

– Мы отмахали километров двадцать пять, прилично устали. Тебе не могло показаться?

– Не знаю, Петр, – неуверенно ответил Хлынов. – Раз другие не слышали, то и я мог напутать.

– Ладно, глотни водки и отдыхай...

Офицеры от капитана и выше в разведку и на поиск ходили редко. Поговаривали, будто из Ставки пришел секретный приказ: капитанов и майоров не посылать. Дескать, много знают, представляют для немцев большой интерес. Существовал ли он на самом деле или являлся выдумкой – неизвестно. А только отправляли их за линию фронта в одном случае: когда больше идти было некому.

Озеро Балатон с невероятно красивым северным берегом протянулось с запада на восток аж на восемьдесят верст. В середине декабря 1944 года линия фронта проходила аккуратно по южному берегу. Советские части из 4-й Гвардейской армии прижали немца вплотную к воде. Тот отчаянно сопротивлялся, но с каждым днем терял силы и уверенность. Обе воюющие стороны понимали: еще немного, и Венгрия окажется под полным контролем Красной Армии.

Масштабное наступление на Будапешт было назначено на 20 декабря, и перед его началом штабу фронта требовались свежие данные о противнике. Чтобы добыть эти сведения, за линию фронта отправилось несколько дивизионных разведгрупп. Одной из них и была группа майора Павлова, вышедшая на задание под позывным «Иволга».

* * *

Настоящая зима в Венгрии наступала к концу декабря. Снег устойчиво ложился в северных горных районах, на равнинах же зима напоминала о себе легкими морозцами по ночам.

Девять утра. Объявлен длительный привал. Время всеобщего блаженства. Нет надобности выкладываться на марше, никто не подгоняет, не беспокоит сбившаяся на ногу портянка. Мышцы в расслабленной истоме, можно посидеть на сухой травке, успокоить дыхание. Обстановка и относительно теплое утро позволяют скинуть тяжелую шинель или ватник и освободить от надоевшей обуви натруженные ноги. Можно вдоволь напиться, перекусить и, свернув сигарку, насладиться крепким дымком. А после и прикорнуть, пока не прозвучит команда к продолжению марша.

Разведчики перевели дух, разделись, обустроились. Зашуршали вещмешки, заскрипели ножи по тонкому металлу консервных банок. По-над поляной поплыл аромат хорошей тушенки...

– Отличное мясо. Свежее, мягкое. Прямо как вчера закатано в баночку, – закусывал тушенку хлебом и нахваливал связист Николай Яковенко – поджарый хозяйственный мужик лет тридцати пяти.

Его давний товарищ – Вячеслав Рябинин – с удовольствием соглашался:

– Точно – ни жил, ни хрящей. Одни волоконца в нежном жире. Баночку съешь и на весь день в животе сытость. Не то, что раньше. Помнишь, чем нас поначалу в окопах потчевали?

– Еще бы! Я ту кухню до конца дней не забуду. Пустая каша на воде – сожрешь ее полкотелка, набьешь пузо, а толку... через час опять голодный. А тут – мечта, а не ужин! Хоть какая-то польза от американских союзников...

– Подставляй кружки, – появился с фляжкой командир.

– Это можно... – дружно завозились бойцы.

Отмеряя на глаз, Павлов налил каждому по сто грамм водки.

– Ты напраслину-то на союзников не гони, – заметил он, завинчивая крышку на фляжке. – Им тоже несладко пришлось.

– Это где же? – не понял Яковенко.

Успев повоевать на Дальнем Востоке и в Финскую, Павлов числился опытным и знающим командиром. С рядовым составом завсегда был справедлив, говорил редко да метко – воздух зазря не сотрясал.

– От япошек проклятых, – поморщился он. – Жутко обижены япошки за озеро Хасан и Халхин-Гол, потому всерьез готовились напасть на наш Дальний Восток. А когда американцы объявили им войну опосля бойни в Пёрл-Харборе в конце сорок первого – не до нас им стало.

– Что ж там за бойня случилась?

– Форменная мясорубка. Американцы потеряли полтора десятка больших военных кораблей, около двухсот самолетов. Менее чем за час погибли две тысячи человек. Хреновый был день для Америки, и уже к вечеру они объявили о вступлении во Вторую мировую войну.

Так что, если б не союзники, пришлось бы нам, братцы, разрываться на два фронта. А это совсем другой коленкор.

Связист и снайпер понимающе молчали. Союзники, конечно, припоздали с открытием второго фронта в Европе, но его значимость от этого меньше не становилась. После его открытия Германию будто подменили: из мощного и надменного тигра ее армия превратилась в изможденную и подраненную пантеру. Огрызнуться и поцарапать она еще могла, но совершить убийственный прыжок и вцепиться в жертву мертвой хваткой силенок уже не хватало.

– Слава, как подкрепишься – подмени старшину, – распорядился майор.

– Это можно, – кивнул Рябинин.

* * *

В кои-то веки Хлынову снились родные края. То ли водка явила чудо, то ли сказалась нечеловеческая усталость, а только вместо опостылевших ратных дел привиделось ему подмосковное село в речной излучине, бесконечные ржаные поля с набитыми телегами проселками. А еще – беспечные птахи в бездонной синеве, струящийся над горизонтом разогретый воздух, полевой стан под выгоревшим брезентом, разомлевшая тишина... Это позже, когда померли родители, он перебрался на север столицы в Ивановский проезд, ставший впоследствии Красностуденческим.

Необычный сон до того понравился Федору, что он намеренно проваливался в него все глубже и глубже. До последнего издыхания наслаждался бы таким видением, да вот незадача – из мирного и блаженного оно вдруг превратилось в беспокойное, наполненное тревогой и болью. Залитое солнцем бесконечное Подмосковье разом уменьшилось до кривой сельской улочки с березами в палисадниках. Погода испортилась: в потемневшем небе зарождалась гроза, подул ветер, зарядил дождь. Маленький Федя Хлынов только что забрался на дерево и радовался своей смелости. А как налетел порывистый ветер, как загремело в черных небесах, так обхватил он худыми ручонками ствол, испугался, заплакал.

Сон был удивительным и живым. Все как наяву. Отовсюду гремели раскаты грома, крепкое дерево под порывами качалось, стонало. Федя не удержался, заскользил по мокрому стволу и упал на кряжистое, горбатое корневище. Упал неудачно – в ногу что-то хрустнуло, и сильнейшая боль прострелила аж до поясницы.

Нервно завожившись, Хлынов открыл глаза. Явственность странного сна достигла вершины, и его буквально выплеснуло в реальность. Первая мысль – уже из яви – поразила: боль в ноге вместе со сном не исчезла, она пульсировала, усиливалась.

«Что происходит?! – не понимал он. – Небо над лесом чистое, ни облачка, ни тучки, а вокруг нескончаемые раскаты грома. В чем дело?..»

Лишь через секунду капитан окончательно проснулся и понял, что на поляне и вокруг нее идет бой: гремят выстрелы, свистят пули, Павлов хриплым голосом отдает команды, доносятся крики раненых.

Хлынову тоже досталось – зацепило ногу то ли пулей, то ли осколком. В полутора метрах, раскинув руки, лежал старшина Савин; лицо его было в крови. Чуть дальше под кустом склонился над рацией младший сержант Яковенко.

– «Легенда», я – «Иволга»! Группа атакована противником в лесу в семи километрах к югу от города Веспрем!.. – тараторил он в микрофон с заметным украинским акцентом.

Остальные разведчики рассредоточились по поляне, заняли круговую оборону, вели бой.

– Я же слышал, что за нами идут. Слышал! – Хлынов нащупал автомат и попытался перевернуться на живот.

Не вышло – пуля перебила кость чуть выше щиколотки, и нога совершенно не слушалась.

– Петр! – прохрипел капитан, передернув затвор автомата. – Петр, я сейчас! Сейчас помогу!..

Цепляясь за траву, он пополз в гущу боя, где командир группы с оставшимися бойцами сдерживал натиск противника...

Глава вторая

СССР, Москва

Июль 1945 года

Днем ранее в Москве прошел сильный дождь. Невыносимый зной ослаб, пыль прибило; местами появились широченные лужи, сразу же завладевшие вниманием детей и подростков. Однако ночь все же выдалась жаркой, душной. Лишь под утро воздух наполнился спасительной прохладой, дышать стало легче.

Выйдя из подъезда к поджидавшему его служебному автобусу, Васильков даже замедлил шаг – настолько освежающим и приятным показалось дуновение легкого ветерка...

Оперативно-разыскную группу майора Ивана Старцева срочно собрали по приказу комиссара Урусова и повезли к северной городской окраине в Церковный проезд.

– Убийство, Иван Харитонович. Дело поручено вашей группе. На месте уже дожидается участковый, за медэкспертом отправлена машина, – отрапортовал по телефону дежурный.

– Понял, – ответил сонным голосом Старцев. – Автобус выслал?

– Уже в пути...

За рулем старого шарабана с покрашенным на борту красным крестом сидел такой же старый водитель, знавший по именам всех оперов. Он вел свой скрипучий транспорт по самому выгодному, самому оптимальному маршруту, соединявшему по кратчайшему расстоянию адреса сотрудников группы. Последним в чрево шарабана запрыгнул Васильков.

Ехать предстояло долго. Извилистый Церковный проезд соседствовал с товарной железнодорожной станцией Владыкино, сразу за которой заканчивался северный пригород и начиналась область.

Солнце в ранний час едва поднялось из-за горизонта, освещая крыши и верхние этажи домов. Покачиваясь на неровностях асфальтовой дороги, автобус надрывно гудел слабым мотором.

Штатный фотограф Игнат Горшеня негромко переговаривался с ровесником – Ефимом Баранцом. Лейтенант Ким – самый молодой сотрудник группы – дремал, уронив голову на грудь. Спал и опытный капитан Егоров: имея непробиваемую нервную систему, он моментально отключался в любой подходящей обстановке. Капитан Бойко шуршал вчерашней газетой, читая статью о выставке трофейной техники в Парке Горького.

Давние фронтовые друзья Иван Старцев и Александр Васильков расположились рядом на одном сиденье. Оба молчали; Иван глядел перед собой и легонько вращал зажатую между коленок трость, его товарищ рассматривал проплывавшие за окном кварталы...

Война в Европе закончилась, но еще тлела на Дальнем Востоке. Города и села восстанавливались или отстраивались заново. Предстояло налаживать промышленность, сельское хозяйство, ремонтировать мосты, автомобильные и железные дороги. Работы было очень много. Тем не менее советские люди, воодушевленные победой в тяжелейшей войне и наступлением долгожданной мирной жизни, с радостью брались за дело. Помешать созидательному труду сейчас могло только одно неприятное и крайне вредное обстоятельство – не на шутку разгулявшийся бандитизм.

Васильков вздохнул, припомнив первое расследование, в котором ему довелось участвовать, едва он стал сотрудником МУРа. В тот день убили только что вернувшегося с фронта

молоденького лейтенанта-артиллериста. Паренек зашел в пивную, выпил пару кружек, расслабился. Тут откуда ни возьмись две барышни лет по восемнадцать. Познакомились. Слово за слово, барышни пригласили пройтись. Лейтенант обеих под ручки – и вперед. Отошли на несколько кварталов, повернули в глухой переулок, а там навстречу дюжина молодцов в кепочках. Артиллерист героически сопротивлялся, да разве устоишь против своры уличных бандитов?.. Бедняга получил несколько ножевых ударов, а в завершение ему перерезали бритвой горло, затем уж обчистили карманы, забрав все ценности: деньги, ордена, трофейную зажигалку, наручные часы... Часы. В тридцатые и сороковые годы они стоили целое состояние. За них убивали. Особенно ценились трофейные немецкие, швейцарские или наши – «Победа». За них убивали еще чаще, потому что на обратной стороне попадались наградные гравировки. Потом их можно было встретить на барахолке, продавцы просили за них баснословные деньги. И, как ни странно, покупатели находились.

Это была далеко не единственная схема убийства ради грабежа. В больших и малых городах демобилизованные офицеры, старшины и сержанты гибли десятками. Милиция с уголовным розыском делали все возможное для обуздания криминала: только за первую половину 1945 года было ликвидировано около полутора тысяч антисоветских формирований и организованных банд.

И вот прошедшей ночью на севере столицы вновь произошло кровавое преступление.

* * *

Поплутав по окрестностям крупной товарной станции и намотав на колеса грязи вперемешку с травой, автобус остановился у скромного одноэтажного дома в Церковном проезде. Рядом с почерневшей деревянной калиткой уже стояли милицейский мотоцикл с коляской и легковушка, на которой привезли дежурного медэксперта.

Выслушав доклад участкового инспектора, Старцев дал команду сотрудникам к началу работы. Вася Егоров принялся осматривать дом, металлическая крыша которого была недавно выкрашена зеленой краской. Игнат Горшеня фотографировал тела жертв. Бойко с Баранцом изучали двор и хозяйственные постройки. Васильков в поисках следов преступников неторопливо прохаживался по переулку. Старцев стоял посреди двора, дымил папироской и беседовал с участковым.

– Кутеповы – большая и дружная семья, товарищ майор. Работающие, мирные, ни скандалов, ни пьянок, – почтительно и подробно рассказывал инспектор – седой старшина лет сорока. – Престарелая мамаша, Александра Гавриловна. Сам Агафон Кутепов, супруга его Дарья, трое общих ребятишек разного возраста и пятнадцатилетний племян – сын, значит, погибшего на фронте старшего брата Кутепова.

– Говорите, нормальная была семья?

– Приличная. Ничего такого за ними не замечалось. Мамаша болела, из дому почти не выходила. Агафон с Дарьей с утра до вечера работали на станции. Туда же учеником определили и племянша. Двое из трех детишек бегали в начальную школу.

– Вы сказали, что племянник сейчас на смене? – уточнил Иван.

– Так точно, в ночной. В восемь утра сменится и прибежит. Повезло, значит, пареньку. Иначе бы и его приговорили.

– Как в семье было с достатком?

– Скромно жили. Агафон заведовал складом и, полагаю, зарабатывал неплохо. Но трое детишек – сами понимаете.

– А что скажете по поводу железной крыши?

Милиционер отмахнулся:

– Вы не подумайте, товарищ майор, железо-то под краской вовсе гнилое. Нового сейчас не сыскать. В начале войны в один из старых складов попала немецкая бомба, рухнула несущая стена. В этом году станционное начальство решило здание разобрать от греха, чтоб никого, значит, не накрыло. Ну а старым кровельным железом премировали лучших работников. Таким вот макаром Агафон крышу себе и перекрыл.

– Понятно. А кто вам сообщил об убийстве?

– В четыре утра позвонил Николай Ананьев. Водитель. Живет тут же, по соседству. Он развозил ночную выпечку с хлебозавода по магазинам, закончил, машину оставил на базе, а сам отправился пешочком до дому. Шел, значит, мимо Кутеповых, увидел, что в окнах посреди ночи горит свет, заволновался: подумал, что старой мамаше худо стало. Постучал – не отвечают. Даже собака не забрехала. Отворил калитку, а там...

Отравленная собака с пеной у раскрытой пасти действительно лежала подле калитки. Здесь же во дворе, но между домом и сараем распласталось тело Дарьи в исподнем. Будто куда-то бежала, да не поспела.

Осмотрев убитую женщину, медэксперт установил, что смерть наступила от потери крови. На теле он обнаружил четыре колотые раны, в одном случае клинок повредил подвздошную артерию.

В доме все было перевернуто вверх дном. В дальней спальне сыщики обнаружили тела троих детей. Все убиты ударами клинка. Таким же образом убийцы обошлись и со старой больной женщиной, спавшей на громоздком сундуке рядом с сениями. Самого Агафона Кутепова нашли в сарае, привязанным к деревянному брусу. Никакой одежды на нем не было, кроме залитых кровью кальсон.

– Пытали. А кляп во рту, чтоб не кричал. Вот поглядите, – уверенно показал Егоров на гематомы и кровоподтеки. – Эти повреждения были нанесены еще при жизни. Изредка прекращали издеваться – вынимая кляп, задавали вопросы. Потом разом прекратили мучения, полоснув по горлу...

Вася Егоров знал, что говорит. В угрозыске он служил дольше всех и по праву считался самым опытным сыскарем в группе. Ежели ехали с ним на вызов, то можно было обойтись и без врачебной экспертизы.

Доктор после осмотра тела убитого лишь развел руками.

– Согласен с товарищем капитаном. Привязали еще живым. Допрашивали с пристрастием: били, резали и кололи, о чем свидетельствуют кровоподтеки с лужицами запекшейся крови у ног. Причина смерти очевидна – перерезанное горло.

– Как давно наступила смерть?

– Думаю, часов пять-шесть назад...

Работа в Церковном проезде продолжалась почти до полудня. За это время был осмотрен каждый квадратный метр большого участка, каждое строение, включая жилой дом, а также прилегающая территория по переулку. Игнат Горшеня сделал более полусотни снимков.

Сыщики встретили вернувшегося со смены племянника Агафона Кутепова. Немного успокоившись после страшного известия, тот согласился побеседовать со Старцевым. Егоров прошелся по взволнованным соседям и тоже переговорил с теми, кто хорошо знал Кутеповых. Васильков вдоль и поперек исследовал переулок.

* * *

– ...В целом, Александр Михайлович, картина очень похожа на два предыдущих случая, – закончил Старцев. – Основной жертвой стал работник товарной станции Агафон Кутепов. Его родню, включая малолетних детишек, зарезали. Самого же отвели в сарай, связали и перед смертью какое-то время допрашивали. В доме и хозяйственных постройках что-то

искали – все перевернуто, разбросано. Но из имевшихся ценностей, по заявлению племянника, ничего не пропало.

Комиссар милиции третьего ранга прохаживался по кабинету. Он внимательно выслушал доклад одного из лучших сыщиков МУРа и ни разу его не прервал. Теперь настал черед вопросов.

– Уже третье подобное убийство. Странные преступления, не находите? – произнес он.

– Есть такое дело, товарищ комиссар.

– Как думаете, почему преступников заинтересовали работники двух товарных станций на железной дороге: Лихоборов и Владыкино?

– Полагаю, они что-то ищут. Хотят к чему-то подобраться. Преступники допрашивают и убивают складских работников, словно пытаются вытянуть из них какие-то сведения.

– Вот! – поднял указательный палец Урусов. – Но какие сведения? Складские документы проверяли? Ничего ценного за последнее время на эти станции не поступало?

– Егоров и Бойко два дня проработали на складах, товарищ комиссар. Из документов и бесед с сотрудниками стало понятно, что склады обеих станций живут в обычном режиме: из других областей и республик поступают продовольствие, промышленные товары. Все то же самое, что было месяц или два назад.

Урусов остановился у окна, распахнул пошире форточку. И задумчиво повторил:

– Самое отвратительное в этой ситуации то, что мы не понимаем поведения преступников. Не улавливаем мотив. Следовательно, не можем предугадать их дальнейшие шаги. Нужно работать в этом направлении, Иван Харитонович. Нужно разгадать их замыслы, это самое главное.

– Ясно, товарищ комиссар.

– Касательно жертв, – обернулся к подчиненному комиссар. – Попытайтесь выяснить, нет ли между ними связи. Может быть, когда-то пересекались, общались, вместе работали.

– Этим сейчас занимается капитан Бойко.

– Хорошо. Значит, следов убийцы не оставили?

Старцев качнул головой.

– Мы осмотрели каждую пядь. Ничего, как и в первых двух случаях. Судя по всему, Александр Михайлович, работают профессионалы с опытом. Васильков там, правда, нашел одну крохотную зацепку...

– Какую? – насторожился Урусов.

– В переулке метрах в пятидесяти от дома Кутеповых осталась огромная лужа после вчерашнего дождя. На ее краю Александр обнаружил свежие следы покрышек легкового автомобиля. Есть предположение, что преступники ночью приехали на нем.

– А наша «эмка», на которой привезли медэксперта? Она не могла оставить отпечатки?

– У «эмки» другой рисунок, товарищ комиссар, мы проверили. И подъехала она с другой стороны.

Эта незначительная информация заинтересовала Урусова.

– Пусть кто-нибудь из группы займется отпечатками протектора, – приказал он. И на прощание напомнил: – Поторопись, Иван Харитонович. Народный комиссар всего пару дней назад интересовался ходом расследования, а тут новый поворот...

* * *

– ...На фронте мы были элитой, Костя. В стрелковой дивизии служат до семи тысяч человек. В разведку отбирают тридцать-сорок лучших. Мы редко месили в окопах грязь, жили в отдельных блиндажах или палатках, имели свою полевую кухню и баню. Но первая пуля на

войне и первый орден всегда были нашими, – негромко отвечал Васильков на вопросы юного Кима.

– А надолго вас, Александр Иванович, в тыл к немцам забрасывали?

– Как правило, управлялись за один световой день – ночью ушли, следующей ночью вернулись. Но это если простое задание: понаблюдать, разведать, разнюхать. Когда же уходили на поиск, то никогда толком не знали, когда вернемся. И вернемся ли вообще.

– Почему?

– Ну, представь, начштаба дивизии ставит тебе задачу: любой ценой добыть «языка» в чине офицера. Иногда фартило – брали такого за несколько часов. А однажды проторчали в немецком тылу четверо суток. Углубились километров на десять – и никого. Хоть волком вой. Шестеро нас было вместе с радистом. Начштаба запрашивает: «В чем дело? Где „язык“? Нужны позарез сведения!» Отвечаю: «Ищем». Он рвет и мечет: «Без офицера не возвращаться – расстреляю!»

– Да ну!

– Вот тебе и «ну». Сгоряча запросто могли и шлепнуть за невыполнение приказа. Что делать? Засели в лесу возле грунтовой дороги. По ней немцы шныряют друг за другом – легковушки, грузовики, мотоциклы. Улучили момент, выскочили, уложили специальные «скобы». Мчится серый «опелек», бац – пробил два ската. Остановился прямо напротив нас. Водитель вышел посмотреть, что случилось, тут мы его ножичками. В машине капитан вермахта – сидит перепуганный, аж трясется. «Опель» и труп солдата – в лес, капитана с собой и бегом к линии фронта – темнеть уж начинало. В общем, доставили живым и здоровым. А главное – без потерь.

У Кости назрел очередной вопрос, но тут в кабинет вошел, прихрамывая на больную ногу, Старцев.

– Заждались, братцы-товарищи? – спросил он вместо приветствия и прошел к своему столу.

Народ насторожился. «Братцы-товарищи» из уст Ивана Харитоновича означало только одно: тучи сгущаются, высокое начальство требует самоотверженной стахановской работы.

– Комиссар Урусов поставил непростую задачу. – Доковыляв до стола, Старцев пристроил к стене трость, привычным движением одернул полы пиджака, уселся на стул. – Мы должны разобраться с убийствами железнодорожников с товарных станций Лихоборы и Владыкино. Разобраться, обезвредить и доложить.

– Что по срокам? – раздался в тишине голос Егорова.

– Сроков Урусов пока не назначил, но про звонок наркома вскользь упомянул. Так что сами понимаете...

Ким сбегал за кипятком, заварили свежего чая. Потом долго курили у раскрытого окна, думали, обсуждали.

Через полчаса Старцев подвел итог:

– Егоров, Бойко и Горшеня едут в Церковный проезд и работают на месте: осматривают, нюхают, роют землю. Не возбраняется еще разок переговорить с соседями. Баранец и Ким работают по архивам и документам. Я повторно беседую с племянником Кутепова – может, он, успокоившись, чего еще припомнит.

– А мне что делать, Иван? – развел руками «неохваченный» Васильков.

Старцев посмотрел на друга, вытянул из пачки папироску, чиркнул спичкой. Разогнав ладонью клубы дыма, сказал:

– А ты, Саня, займись-ка автомобилем.

– Каким? – не понял тот.

– Ты же нашел отпечатки протектора в луже?

– Да.

– Ну вот. Осталось выяснить, что это был за автомобиль.

Новичок группы обвел взглядом сидевших рядом товарищей:

– Как же я это сделаю?

– Есть у нас в МУРе один ценный сотрудник, – подмигнул Старцев. – Глазов Гавриил Маркович. Обитает в кабинете № 16. Это в другом конце коридора, налево.

– А... кто он по должности и чем занимается?

– Глазов – начальник технической экспертизы. Очень грамотный мужик. Сходи к нему и проконсультируйся. Только обязательно прихвати с собой фотографии отпечатков протектора...

Глава третья

Венгрия, Будапешт

11–12 февраля 1945 года

– Сайко, ты за временем следишь, мать твою?! Где осветительные ракеты, где боеприпасы?!

– Ужо отправил! Ужо отправил обозных, товарищ старший лейтенант!

– Когда отправил?!

– Дык с полчаса тому!

– С полчаса? Ну смотри мне! Если твои не поспеют, а эти суки ночью прорвут оборону на моем участке, я тебя...

Договорить ротный не успел: о том, каким будет возмездие в случае успешного прорыва немецких подразделений, старшина Сайко из взвода обеспечения не услышал. На другом конце провода бахнул взрыв, и связь прервалась.

– Господи, хоть бы поспел мой обоз, – украдкой осенил себя крестом пожилой старшина. – Хоть бы поспел...

Сначала дела в Венгрии складывались для наступающих советских войск неплохо. Зато взятие Будапешта стало одной из самых затяжных и кровопролитных наступательных операций в ходе войны.

Наиболее боеспособные части 2-го и 3-го Украинских фронтов начали общее наступление на столицу Венгрии 29 октября 1944 года. В конце декабря они прорвали немецкую оборонительную линию «Маргарита» и окружили в Будапеште огромное количество немецких и венгерских войск. Уже на четвертый день операции войска Красной Армии вплотную приблизились к городу, но ворваться в него не смогли, так как немецкое командование успело усилить оборону тремя танковыми и одной моторизованной дивизией. Наступление забуксовало. Более того, когда дело все-таки дошло до уличных боев, гитлеровцы нанесли сильнейший контрудар. Наши оказались к этому не готовы, потому что штабные бурно отмечали Новый год. Последствия неуместного празднества сказались моментально: в районе Комарно немецким частям удалось прорвать нашу оборону, разблокировать свои войска и частично вывести их из окружения. Завязались жестокие бои, потери с обеих сторон были страшные. В результате Гитлер приказал удерживать Будапешт до конца, оставив в нем наиболее боеспособные войска, а именно 9-й хорватский горный корпус СС и несколько приданных ему немецких и венгерских частей.

* * *

Отряхнув отложной воротник шинели, старший лейтенант Скрипкин поднял упавшую телефонную трубку. Аппарат молчал, связь оборвалась. Он окинул взглядом большую комнату с остатками мебели. Комната находилась на втором этаже старого красивого дома, покинутого жителями накануне решающего сражения за Будапешт. Венгры уходили из города налегке, прихватив лишь необходимое в дороге. Мебель, картины, гардины и прочее добро пылились в брошенных квартирах.

Немецкая мина угодила этажом или двумя выше, отчего по потолку и стенам пошли трещины. Шикарный диван, столик с изящными ножками и несколько кресел засыпало гипсовой штукатуркой.

Старлей подобрался к высокому окну, встал сбоку и осторожно выглянул наружу сквозь оставшиеся без стекол рамы. Напротив, через неширокую мощеную улицу высилась каменная громада с вывеской над парадным входом – «Hotel Continental». Фасад некогда красивейшего здания, построенного в стиле ампира, был изуродован снарядами, пулями, осколками. Не осталось ни одного целого окна, отлетела часть декоративной лепнины, из двух дюжин поддерживающих портик колонн уцелела всего треть.

В здании засели остатки 9-го горного корпуса СС. Командовал корпусом некий эсэсовский генерал Карл Пфедфер, о котором поведал комполка майор Стародубцев. Дескать, сволочь еще та – пробы ставить некуда, палач первостатейный, и недурно бы взять его живьем, чтобы предать справедливому народному суду.

– Живьем, – проворчал Скрипкин и поглядел в быстро темневшее небо. – Знать бы еще, как это сделать...

Выстрел миномета с заднего двора отеля, вероятно, стал последним на сегодняшний день. Перестрелка затихала. Подобный распорядок установился здесь довольно давно.

18 января советские войска окончательно завладели восточной частью города, 20 января приступили к штурму западной. С рассветом подразделения Красной Армии начинали атаку, немцы ожесточенно сопротивлялись; бои шли в каждом квартале Буды на протяжении светлого времени, а с наступлением темноты все затихало. К 11 февраля потери оборонявшихся только пленными составили более двадцати пяти тысяч человек. Силы хорватского горного корпуса таяли с каждым часом, но надежд на то, что эсэсовцы прекратят сопротивление и сложат оружие, не было. Слишком много грехов числилось на их счету. Понимали: прощения не будет.

Стемнело настолько, что прятаться за стенами уже не было смысла. Стоя во весь рост у окна, старлей вглядывался в улицу, в черневшие проемы первого этажа отеля.

– Мало фрицев осталось. Насколько мало, что одним ударом расшибем всмятку, – прошептал он. – Дождемся утренней зари и попробуем. Лишь бы они сами какой пакости не удумали ночью...

Нестерпимо захотелось курить, но здесь на этаже делать этого было нельзя. Опасно. Скрипкин знал, что среди засевших в отеле эсэсовцев есть несколько снайперов. Они только и ждут подходящей цели.

В последний раз глянув в небо, он подхватил автомат и направился к выходу из комнаты, чтобы спуститься к бойцам, закрепившимся на первом этаже. Настало время разузнать про обещанный старшиной Сайко обоз. С ним должны были прибыть боеприпасы, осветительные ракеты и полевая кухня. Там внизу можно и спокойно перекурить...

* * *

К наступлению ночи все успокоилось, улеглось, пришло к привычному за последние недели порядку. Треклятый обоз старшины Сайко запоздал, но все же таки добрался до позиций роты Скрипкина. В черное небо вновь стали взмывать осветительные ракеты, бойцы поделили меж собой боеприпасы, употребили по сто грамм и впервые за день отведали горячего.

Над Дунаем, разрезавшим столицу Венгрии надвое, стало тихо. Впрочем, во время войны на передовой абсолютной тишины почти не случается. Кое-где все равно слышались выстрелы и разрывы снарядов, изредка с востока на запад пролетали эскадрильи бомбардировщиков. По широким улицам города к линии соприкосновения с противником подтягивалось подкрепление, перемещалась тяжелая техника...

В одиннадцатом часу старлей прошелся по постам, проверил несение службы. Все было спокойно. В небе с интервалом в пять-семь минут зависали осветительные ракеты. Медленно теряя высоту, яркие огоньки вырывали из темноты неровные кварталы Буды, как попало перечерченные кривыми улочками. Фонари, остовы сгоревшей техники, мешки с песком и разбросанный мусор отбрасывали на мостовую причудливые дрожащие тени. Ночь выдалась холодной, однако костры разводить строгойше запрещалось. Свободные от службы бойцы спали, завернувшись в шинели. Прилег на разбитый продавленный диван и Скрипкин...

* * *

Посреди ночи тишину расколол взрыв, от которого старый многоэтажный дом затрясся, а деревянные перекрытия затрещали. Скрипкин тотчас слетел с дивана, нашарил в темноте автомат, как спал под шинелью в одной гимнастерке, так и подскочил к окну.

На подконтрольном ему участке начиналась заваруха. Свистели мины, отовсюду слышались взрывы. Внизу басовито заработали пулеметы, а из разбитых проемов первого гостиничного этажа посыпались эсэсовцы в камуфляжных куртках.

– Ах вы, суки!.. Значит, решили-таки?.. – Старлей спешно надевал шинель. – Сейчас, гниды паскудные, погодите... Сейчас мы с вами разберемся!..

Притопнув съехавшим с ноги сапогом, он включил электрический фонарик и помчался по лестнице вниз...

Бойцы в роте были как на подбор: от двадцати пяти и старше, ни одного зеленого. Последний призыв семнадцатилетних пацанов прокатился по Советскому Союзу в сорок третьем, с тех пор юнцов не трогали. Партия и Правительство думали о будущем страны, о послевоенном времени, поэтому довести дело до окончательной победы доверили людям бывалым.

Пехотинцы Скрипкина были готовы к немецкой атаке. Расставленные посты первыми встретили противника огнем.

Когда старший лейтенант сбежал на первый этаж, там уже громыхал ожесточенный бой: первая волна прорывавшихся эсэсовцев захлебнулась и рассыпалась, улеглась на мостовой. Но за первой последовала вторая – еще более многочисленная.

– Откуда их столько, товарищ командир?! – Сержант Топилин швырнул гранату и припал к куску вывороченной стены.

– Самому интересно, – ответил старлей, переждав взрыв и свист разлетающихся осколков. Выпустив короткую очередь из автомата по досаждавшему из окна пулемету, приказал: – Возьми-ка человек пять и помоги Авдонику на левом фланге.

– Слушаюсь...

* * *

Отчаянная атака недобитых эсэсовцев из 9-го хорватского горного корпуса стала их последней попыткой вырваться из осажденного города. Скрипкин не понимал, к чему это сумасшедшее упрямство, зачем эти никому не нужные жертвы. Да, к «эсэсам» нежности никто из союзников не питал, и спрос с пленных, у которых в петлицах красовалась пара молний, всегда был повышенный. Однако, сложив оружие, они имели бы шанс выжить, а безумная ночная атака лишала их этой крохотной надежды.

Когда из здания отеля выплеснулась вторая волна немецких солдат, между ними и пехотинцами Скрипкина завязалась настоящая мясорубка. Мощеная улица вместе с проезжей частью и тротуарами была шириной метров тридцать, и вся она вскоре покрылась телами убитых и раненых.

Тяжелее всего сдерживать натиск фрицев пришлось старшине Авдониному на фланге. Позиция его взвода располагалась аккуратно напротив ажурных чугунных ворот, отделявших улицу от внутреннего двора отеля «Континенталь». Бойцы Авдонина порой не могли даже высунуться из своих укрытий – со двора непрерывно долбили два пулемета, одна за другой летели гранаты.

Ротный не стал дожидаться, когда левый фланг провалится. Взяв с собой шестерых бойцов, он добрался по задней улочке до позиций старшины и принялся помогать. Постреливая из-за укрытия, он недоумевал: почему эсэсовцы напирают здесь, на этом участке? Что-то задумали? Готовят сюрприз?..

Опасения подтвердились минут через пять. Осветительные ракеты по-прежнему взмывали в ночное небо, однако их было недостаточно. Они прекрасно себя зарекомендовали на открытой местности, где слабый свет не встречал преград. А в городе было слишком много препятствий: жилые кварталы, отдельно стоящие дома, деревья... Все это отбрасывало густую тень, и город тонул во мраке.

Тем удивительнее было обнаружить, как в темном дворе отеля внезапно вспыхнули мощные автомобильные фары. Свет резанул по привыкшим к темноте глазам, бойцы невольно зажмурились.

Взревев двигателем, неизвестный автомобиль разогнался, протаранил чугунные створки ворот и вылетел на проезжую часть.

– Огонь по машине! – крикнул Скрипкин. – Не дать ей уйти!..

Все, кто сквозь грохот перестрелки услышал команду, принялись стрелять по автомобилю.

* * *

– Гони, Франц! Ради бога, не сбрасывай скорость! – срывался на фальцет сидевший на заднем сиденье обергруппенфюрер СС Пфеффер. – Умоляю, гони!..

Водитель Франц, тридцатилетний шарфюрер с забинтованной головой, склонившись вперед, крутил рулевое колесо, ни на секунду не отвлекаясь от освещаемой фарами дороги. Любая ошибка стала бы роковой и для него, и для всех пассажиров.

Помимо генерала СС и водителя, в салоне находились еще двое. Исполняющий обязанности начальника штаба 9-го корпуса оберфюрер СС Хельмут Дёрнер расположился рядом с Карлом Пфеффером. Одной рукой он вцепился в спинку переднего сиденья, другой прижимал к себе пухлый портфель с важными документами, которые требовалось вывезти из окружения. Дёрнер испуганно молчал и только пучил глаза, поворачивая голову то вправо, то влево.

Справа от водителя сидел личный адъютант генерала Пфеффера – молодой штурмбаннфюрер по имени Бруно. Высунув в открытое окно дверцы автомат, он бил короткими очередями по позициям русских и подсказывал Францу:

– Внимание, кусок ограды, держи правее! Здесь лучше по тротуару! Осторожно – упавшее дерево!..

«Хорьх», ревя мощным мотором и лавируя между препятствиями, мчался сквозь жуткий грохот. До узкого переулка, где наверняка не было русских, оставалось не более сотни метров. По переулку машина должна была преодолеть несколько кварталов и доставить беглецов к Чертовой канаве – самому удобному для эвакуации месту. Там, по данным разведки, советские войска контролировали только отдельные небольшие участки.

* * *

Сразу выполнить приказ ротного у бойцов не вышло. Кто-то сквозь пальбу не расслышал голоса Скрипкина, кто-то был ослеплен ярким светом фар и не сразу понял, что к чему. А некоторые и вовсе не ожидали такого фортея и, раскрыв рты, некоторое время смотрели на мчащийся и прыгающий на кочках немецкий легковой автомобиль. Тем не менее хоть и с опозданием, но палить начали все.

Рыча и огрызаясь короткими очередями, «Хорьх» пронесся мимо основной позиции старшины Авдонина. Пули высекали искры из брусчатки, стучали по капоту и дверцам, хлопали по стенам отеля. Но, несмотря ни на что, автомобиль ехал, не сбавляя скорости.

ППС Скрипкина ойкнул последним выстрелом и осекся. Менять магазин было некогда. Наблюдая за мчавшейся к его позиции машиной, старлей отбросил автомат и крикнул:

– Гранату! Гранату, Топилин!

У сержанта оставалась последняя граната, но он, не раздумывая, сунул ее в ладонь командира.

– Держи!

Тот не спускал взгляда с машины. Выдернув чеку, он коротко замахнулся и швырнул гранату в сторону дороги с рассчитанным упреждением. Описав пологую дугу, граната ударилась о мостовую, подскочила, снова ударилась и... оказавшись точно под «Хорьхом», взорвалась.

* * *

– Лихо вы их, товарищ старший лейтенант, – посмеивался в пышные усы старшина Авдонин. – А я уж грешным делом думал, уйдут окаянные.

– Хрен им с луковой шелухой. – Скрипкин оглаживал фонарным лучом лакированные борта трофея.

После взрыва гранаты «Хорьх» подпрыгнул, вильнул влево и, теряя скорость, врезался в стену здания. Ночной бой закончился так же неожиданно, как и начался. Где-то еще грохотали пулеметные очереди, щелкали одиночные выстрелы, но в районе отеля «Континенталь» наступила тишина.

Лейтенант нетерпеливо пихнул старшину в бок.

– Пошли, проверим.

– Айда, – согласился он.

Приказав бойцам держать на прицеле разбитые ворота выезда, Скрипкин и Авдонин осторожно приблизились к застывшей машине...

Внутри они обнаружили четверых. За рулем сидел какой-то низший чин СС с бинтовой повязкой на голове. На этот раз ему опять не повезло: получив контузию от взрыва, он плохо соображал и не мог передвигаться без посторонней помощи. Скрипкин вытащил его, уложил на мостовую рядом с машиной.

Гораздо хуже пришлось его соседу – молодому штурмбаннфюреру. Граната разорвалась прямо под его ногами. Схлопотав несколько осколков, он истекал кровью и умер буквально через минуту.

На удобном заднем диване располагались самые важные птицы: два генерала СС. Оба были ранены, но не осколками, а пулями. При одном из них Авдонин обнаружил кожаный портфель, набитый документами. Этих извлекали из кабины с превеликой осторожностью – знали, что в штабе армии такие «языки» ценились на вес золота.

Авдонин кликнул своих бойцов. Тотчас соорудили носилки, уложили, оказали первую медицинскую помощь.

Связь со штабом полка была восстановлена, и ротный Скрипкин поспешил доложить о произошедшем комполка майору Стародубцеву.

– Да ты шо! – возрадовался тот. – Неужто двух генералов взял?!

– Двух, товарищ майор. И портфель с документами в придачу.

– Ну даешь! Ну, геройский ты мужик, Скрипкин! Сверли дырку в гимнастерке – сегодня же представление на орден напишу!

– За орден спасибо. Только вы поторопитесь.

– А шо такое?

– Ранены оба фрица. Нашпиговали мы их пулями, покуда не остановили.

– О как, – озаботился Стародубцев. – Что ж вы так неаккуратно?

– Кто ж знал, что в машине генералы? И что они драпать вознамерились?

– И то правда. Слухай... ну, тогда сейчас подошлю машину с медиками. И сам подъеду. Жди...

Глава четвертая

СССР, Москва

Июль 1945 года

– ...Два золотых обручальных кольца, серебряная столовая ложка, часы-будильник, рулон ситца (шесть с половиной метров), восемьдесят пять рублей ассигнациями, – зачитывал Старцев небольшой список найденных в квартире Кутеповых ценностей. Он отложил листок и устало провел ладонью по лицу: – Прямо скажем, не густо.

– Да, семья жила небогато, – поддержал Егоров. – А убийцы, как видишь, и этого не взяли. Почему? Не понимаю.

– Вот и я о том же. Ворвались ночью в дом, убили детишек, старушку, молодую женщину, хозяина пытали, прежде чем отправить на тот свет. Ведь была же у них какая-то цель. Не забавы ради, верно?..

– Хороша забава! Ни один человек в здравом уме так забавляться не станет...

Непонятный, неосязаемый доселе мотив преступлений сыщики «обмусоливали» несколько часов и никак не могли остановиться на каких-то приемлемых вариантах. Уже вернулись с повторного осмотра места преступления Егоров, Бойко и Горшеня. Старцев побеседовал с юношей – племянником погибшего Кутепова. Баранец и Ким успели переворошить кучу похожих уголовных дел. Не появился пока в рабочем кабинете лишь один Васильков, занимавшийся автомобилем. Расследование опять топталось на месте.

– Значит, в доме Кутеповых ничего интересного? – без надежды спросил Иван.

– Ничего, – качнул головой Егоров. – Я даже в погреб спустился. Олесь с Игнатом облазили чердак. Убийцы прошли и там – везде следы обыска.

– А соседи? Из новых никто не подходил?

– Дед один с костылем приковылял. Сказал, что слышал ночью тарахтящий автомобильный мотор. Он на крыльцо выходил сигарку посмолить, а рядом легковая машина проехала. Тихо так, будто крадучись. Машины в их краях – редкость, вот он и заинтересовался.

– Чего ж ты молчал?

Егоров развел руками:

– Так он же не сказал ничего нового. Проехала, видать, уже после убийства. В марках автомобилей он не разбирается, сколько человек было внутри – не заметил.

– А цвет? Цвет хотя бы заметил?

– Темно, говорит, было, хоть глаз выколи.

– Черт... Куда же Саня запропастился?

– Придет, – успокоил Василий. И, тоскливо поглядев в сторону «столовки», поинтересовался: – Слушай, у нас есть что-нибудь пожрать, а? Кроме чая со вчерашнего вечера в животе ничего не было.

– Оставалось грамм двести сухарей, да молодежь догрызла. Отправил их по коммерческим – может, повезет, прикупят чего съестного...

* * *

Кабинет № 16 находился на том же этаже, но в другом конце коридора. Постучав, Васильков приоткрыл дверь, спросил разрешения войти.

– Да, пожалуйста, – проскрипел из дальнего угла пожилой худосочный мужчина с пышной и полностью седой шевелюрой.

– Здравствуйте, – переступил порог Александр. – Мне нужен Гавриил Маркович Глазов.

– Я – Глазов. А вы, простите, кто?

– Майор Васильков. Оперативный уполномоченный из группы майора Старцева.

– Новенький? Что-то я вас раньше не видел.

– Так точно. И месяца еще не проработал.

Вышедший из-за рабочего стола начальник технической экспертизы оказался невысок и сутул. Подошел, протянул руку:

– Будем знакомы – Гавриил Маркович. Хранитель, так сказать, этого хозяйства...

Хозяйство представляло собой довольно просторный и светлый кабинет, по стенам которого высились шкафы и стеллажи. Все пространство по периметру было заполнено конструкциями, способными вместить в себя техническую документацию. А те свободные места, куда эти конструкции не помещались, занимали висевшие красочные плакаты с изображениями оружия, мотоциклов, автомобилей, велосипедов, железнодорожных вагонов и прочей техники.

– Очень приятно. Васильков Александр Иванович, – гость пожал протянутую ладонь. – У меня к вам дело, Гавриил Маркович.

– Слушаю вас. Вот сюда, пожалуйста.

Майор присел на стул, стоявший рядом с письменным столом. Широкая столешница была завалена книгами, журналами, отдельными листками. В центре этого вороха торчала настольная лампа под стеклянным абажуром, окрашенным таинственным зеленым светом.

Васильков коротко пояснил суть дела:

– Сегодня ночью в Церковном проезде совершено преступление – убили семью служащего железнодорожной товарной станции Владыкино. Следов убийцы практически не оставили. Разве что вот это...

Он протянул пяток фотографий. Глазов принял их, водрузил на нос очки с толстыми круглыми линзами и, повернувшись к свету, принялся внимательно изучать. Рассмотрев все снимки, он вооружился увеличительным стеклом и продолжил изучение.

Васильков сидел, не шелохнувшись, боялся помешать.

Наконец Глазов вернул снимки, снял очки и несколько секунд что-то вспоминал, наморщив переносицу. Затем энергично проследовал до ближайшего шкафа, распахнул дверцы и начал быстро перебирать длинными пальцами корешки стоявших на полках папок.

– Вот, – торжественно произнес Глазов, выуживая одну из них. – Надеюсь, собранные здесь документы прольют свет на вашу непростую историю...

* * *

– ...Чудная у вас кухня. Вкусная, но чудная, – улыбался Ефим Баранец. Настроение у него было отличное. Топая по краю тротуара, он глазел по сторонам, читал вывески и плакаты, болтал с товарищем. – Когда я первый раз попробовал, чуть не помер от остроты.

– Ты про лапшу маминого приготовления?

– Да, кажется. Лапша в остром красном соусе.

Костя Ким рассмеялся.

- Точно, брат, остроты в нашей кухне хватает. А красный соус особенно злющий!
- Неужели на вашем столе каждый день такие острые блюда?
- Каждый, Ефим. Мы привыкли к ним...

Они побывали в двух коммерческих магазинах, теперь торопились в третий. Все, чем удалось разжиться, уместилось в одном кулке и одном кармане. Баранец тащил под мышкой кулек ржаных сухарей, а в кармане широких брюк Кима тюкались друг об дружку две банки кильки в томате. Конечно, консервов на такую толпу взрослых мужиков требовалось прикупить больше, но давали всего по одной баночке в руки. Пришлось взять хотя бы это.

– Слушай, а ты заметил, что цены в коммерческих двинулись вниз? – вдруг сделался серьезным Ефим.

– Разве? Сухари по старой цене купили, консервы тоже. И на молоко ценник стоял прежний – пятьдесят рублей за литр.

- А сахар?! Колотый сахар-рафинад в последнем магазине?!
- Его ж не было.
- Так ценник остался!
- Не заметил. И сколько он стоил?
- Шестьсот, Костя! – радостно и торжественно объявил Ефим.
- Ого! Неделью назад по семьсот пятьдесят покупали. Помнишь, четыреста грамм брали?
- Конечно! Сразу на тридцать процентов цена опустилась! Потому народ и раскупил его.
- Здорово. Вот что значит война кончилась!
- Точно. Правда, до госцены еще ой как далеко...

Так за разговорами молодые сыщики дошли до третьего коммерческого магазина, расположенного в относительной близости от Управления Московского уголовного розыска. Здесь им повезло. Только что разгрузилась продуктовая машина, а покупателей, на удивление, оказалось немного. Заняв очередь, Ким с Баранцом посчитали оставшиеся общественные деньги и принялись решать, на какие продукты их лучше потратить...

* * *

– Судя по твоей сияющей физиономии, Глазов совершил чудо? – поприветствовал Старцев вернувшегося в кабинет товарища.

– Совершил. Он – бог в технических вопросах! – восторженно признался Васильков и шлепнул на стол фотоснимки, а также сложенный вдвое тетрадный лист. – Ты не представляешь, сколько он всего знает! И сколько данных хранится по его шкафам.

– Представляю. Бывал у него в гостях, – засмеялся Иван. – Очень толковый мужик и много раз помогал в расследовании. Рассказывай.

– Гавриил Маркович определил, что отпечатки в луже оставлены протектором немецкого автомобиля. Вот полюбуюсь. Это я срисовал с одного из немецких журналов...

Васильков развернул тетрадный лист и отдал Старцеву. Верхнюю половину листа занимал карандашный рисунок автомобильной покрышки, а нижняя была исписана мелким почерком. Положив рядом с рисунком фотоснимки отпечатков, Старцев удивленно поглядел на товарища:

- А ведь похоже, черт возьми! Вася, Олесь, ну-ка гляньте.
- Скорее, да, – через минуту оценил Егоров.

Олесь Бойко, после того как лишился пальца от сработавшей немецкой мины-ловушки, всегда и во всем сомневался. Полезное, но иногда слишком раздражающее качество. Не изменил он себе и в этот раз:

- Есть что-то общее. И все-таки хотелось бы взглянуть на оригинал.

– Оригинал я тебе представлю, когда поймем убийцу, – заступился за друга Старцев. – А сейчас так скажу: у Сани отличный глаз опытного разведчика, и если уж он говорит, что похоже, то нужно верить.

Егоров спросил:

– А что с марками автомобилей? Глазов помог определить?

– Да, из описания стало понятно, что такие покрышки использовались на немецких автомобилях «Хорьх».

– «Хорьх»?! Это же генеральская машина! – воскликнул Бойко. – У нас командующий армией на трофейном ездил. Это не машина! Это зверь, доложу я вам!

Иван зашуршал папиросами.

– Генеральская, говоришь? Зверь? Это даже лучше! Значит, в Москве таких немного и долго искать не придется. Так... где же наши гонцы за провизией? Что-то и вправду в животе урчит.

Чиркнув спичкой, он прикурил папиросу. Окна в кабинете были распахнуты, однако пространство быстро заполнилось едким табачным дымком. Глядя на начальство, Егоров, Бойко и Васильков тоже закурили. Только один Горшеня возился со стопкой уголовных дел, откладывая в сторону те, в которых преступления хотя бы частично напоминали убийство семьи Кутеповых.

Подойдя к окну, Старцев читал текст под рисунком:

– ...Фирма «Horch» основана Августом Хорьхом в Кёльне в ноябре 1899 года. С 1930 года «Horch» вместе с «Вандерер», «Ауди» и «DKW» вошла в состав концерна «Auto Union»... – бубнил он, позабыв о тлевшей папиросе. – С началом Второй мировой войны «Horch» начинает производить и военную технику: офицерские и штабные автомобили, пожарные машины, внедорожники. Особой популярностью среди германской элиты пользовались модели «830» и «853», а также различные их модификации...

Прервав чтение и затушив в пепельнице истлевший окурок, Иван вопросительно глянул на Василькова.

– Судя по протектору, это модель «830Вк», – подсказал тот. – Подобный рисунок был только у нее.

– Да, вижу, тут Глазов приписал своей рукой. Так это ж здорово, Саня! В общем, так. Пока мы тут думаем и копаемся в бумажках, продолжай развивать эту тему. Я гляжу, у тебя неплохо получается. Идет?

– Договорились.

* * *

В третьем коммерческом магазине Ефиму и Косте удалось разжиться куском несоленого сливочного масла, килограммом печенья «Рот-Фронт», арбузом и двумя буханками белого хлеба. Настоящего белого хлеба, который долгое время невероятно сложно было отыскать в продаже!

Довольные, они возвращались в Управление, обсуждая по дороге все на свете: жаркое лето и свою работу в МУРе, боевые новости с Дальнего Востока, где еще тлела война; настоящих разведчиков Василькова и Старцева, десятки раз ходивших за линию фронта; набирающую обороты мирную жизнь на западе страны, снижавшиеся цены. Ну и, конечно же, обсуждали встречавшихся по дороге красивых девушек. Их в послевоенной Москве было много – гораздо больше, чем молодых мужчин.

Ефим беззаботно шагал рядом с дорогой, одной рукой неся два кулька – один с сухарями, другой с печеньем. Другой прижимал к себе арбуз, доставшийся им по смехотворной цене – три целковых. Консервы, масло и хлеб тащил Костя.

- Мужики нас, наверное, заждались, – посмеивался Баранец.
- Еще бы! Обед в столовке давно закончился. Время ужина.
- Ничего, сейчас придем и организуем шикарный стол...

Увы, отголоски недостаточного снабжения звучали до сих пор: столовая при Управлении открывалась всего на два часа в сутки – с тринадцати до пятнадцати. Завтракать, ужинать или организовывать ночной перекус (если того требовало расследование) сотрудники должны были самостоятельно.

- Пойдем быстрее, – поторопил Ким. – И вправду жрать охота...

Друзья прибавили шаг. Оставалось пройти квартал по Неглинной, свернуть налево на Кузнецкий мост, а там и родная Петровка.

Впереди на торце пятиэтажного дома рабочие монтировали огромный плакат. Три часа назад, когда Ефим с Костей топали мимо в первый магазин, мужики в спецовках успели закрепить пару первых фрагментов. Теперь картинка была почти полностью готова.

- Здорово! – запροкинув голову, залюбовался Баранец.

На полотне был изображен молодой лейтенант в парадной форме с «Золотой Звездой» Героя на груди. На его правом плече сидел радостный сынишка лет четырех-пяти в бескозырке. Оба были счастливы. Они шли по Красной площади вдоль стен Кремля, красных знамен и праздничных транспарантов. Внизу крупными буквами было написано: «Сталину – спасибо!»

- Торжественно и очень красиво, – согласился Ким.

И вдруг услышал позади нарастающий рев мотора.

Костя был небольшого роста, легкий, подвижный, к тому же обладал отменной реакцией. Это и спасло Ефима.

Оглянувшись и заметив быстро догонявший их грузовик, Ким мгновенно схватил товарища за руку и с силой дернул на себя – подальше от дороги.

Упав, оба покатались по тротуару.

Обдав жаром и выхлопом, грузовик прогрохотал мимо. Не останавливаясь, он помчался дальше по Неглинной в сторону Петровского бульвара.

- Ты номер запомнил? – воскликнул Ким.

- Да я его и не видел. – Сидя на асфальте, Ефим потирал ушибленный локоть.

Рядом валялись ошметки разбившегося арбуза, у бордюра лежала раздавленная колесами буханка белого хлеба.

Баранец матерно выругался, поднялся, отряхнул брюки...

Вокруг собирался взволнованный народ. Подвыпивший мужичок грозил кулаком вслед грузовику, сердобольная хорошо одетая женщина смачивала ватный тампон духами и протирала ободранный локоть Ефима.

– Спокойно, граждане, мы из уголовного розыска. – Ким показал удостоверение. – Просьба не собираться и не задерживаться. Расходитесь...

Глава пятая

Венгрия, Будапешт

12 февраля 1945 года

Остатки немецких и венгерских подразделений в центре Буды прошедшей беспокойной ночью были разбиты и уничтожены. Лишь несколько сотен уцелевших солдат и офицеров разрозненными группами покинули город. Бой закончился в последние ночные минуты. Теперь же небо просветлело, на востоке разгоралось оранжевое зарево.

– Вот это аппарат!

– Генеральский!

– Да уж. Не телега какая.

– И не «эмка».

– Весь разбитый, с простреленными бортами. А все одно красавец!.. – гудели бойцы, со всех сторон обступившие злополучный «Хорьх».

Машина уткнулась в щербатую серую стену. Блестящий бампер от удара погнулся, левое переднее крыло вздыбилось. Из пробитого радиатора вытекала вода. Левая фара и почти все стекла были разбиты, на элементах кузова виднелись пробоины от пуль. Пострадал и салон автомобиля: повсюду валялись осколки стекла, на сиденьях остались кровавые потеки.

– Хороша машина, да, товарищ командир? – подошел к Скрипкину старшина.

– Хороша, чего уж, – согласился тот. – Я, пожалуй, такую впервые вижу.

– А вы заберите ее себе.

– Что значит «заберите»?

– Ну, не бросать же такую красавицу, ей-богу!

– На кой она мне, Авдонин? Да и не положена мне машина, – отмахнулся старлей. И, глянув на часы, добавил: – Комполка обещал приехать. Задерживается. Вот ему и отдадим.

– И то верно. Наш Стародубцев – хороший мужик. Пущай пользуется.

* * *

Первыми к месту захвата немецких генералов примчались санитарный автобус и два офицера СМЕРШ на «Виллисе». Всех немцев – одного убитого и трех раненых – увезли напрямик в штаб дивизии.

– Там разберутся, – махнул рукой Скрипкин, – кого хоронить, кого допрашивать, а кому нашатырь под нос и в госпиталь.

Комполка Стародубцев чуток запоздал, прибыл в роту Скрипкина к шапошному разбору. Выслушав доклад ротного и чертыхнувшись на известие, что всех увезли, он отправился осматривать генеральский транспорт.

– Ну как, товарищ майор? – похлопал Скрипкин по крыше салона из плотного темного материала.

– Как-как... На такой машине и наркому не стыдно ездить, – озадаченно проворчал комполка. – Красавец. Статный, крепкий. Хоть на выставку, ей-богу.

– Это мы вам приберегли, товарищ майор. Забирайте. Подарок от всей нашей роты.

Подарок Стародубцева изрядно озадачил. С одной стороны, великолепное авто не могло не понравиться. С другой – душу простого деревенского человека терзали сомнения: зачем ему такая роскошь?

Во-первых, «Хорьх» майору был не по статусу. Сейчас он ездил на американском «Виллисе», которых по ленд-лизу в войска поступило несметное количество. Тысячи! Юркий, скоростной, надежный, живучий. Да еще и с повышенной проходимостью. «Виллисы», если можно так выразиться, разрушили годами выстроенный в Красной Армии порядок. На них разезжали младшие офицеры, майоры, полковники, генералы; к ним цепляли для буксировки противотанковые орудия, они перебрасывали вдоль линии фронта группы разведчиков и штабных гонцов с донесениями. Незаменимая машинка!

А тут «Хорьх». Хоть и разбитый, подраненный, но все равно – «Хорьх»! Темная, почти черная крыша, такие же крылья, верхние створки капота. Светло-бежевые дверки и боковые решетки моторного отсека. Хромированные элементы радиатора, фар, бампера, зеркал заднего вида. Все лакированное, все блестит и манит. Высокий немецкий чин даже не затруднился отдать приказ о перекраске машины в более неприметные цвета. Обходясь без маскировки, он сохранил качественную заводскую покраску.

Во-вторых, Семен Агафонович Стародубцев был далек от механических тонкостей, но тут образование и не требовалось. И так было ясно, что восстановить разбитый и пострадавший в перестрелке «Хорьх» будет непросто.

– Ой, Скрипкин, подведешь ты меня под седёлку, – вздохнул комполка.

Он был родом из глухой степи, из позабытого богом поселения в Чкаловской области, и порой в общении с подчиненными вворачивал такие обороты, что те лишь недоуменно пожимали плечами.

– Куда подведу? – не понял старлей.

– Под трибунал – вот куда!

– Да ладно вам, Семен Агафонович! – осклабился молодой парень. – Вы ж этот «Хорьх» не украли и не на «Виллис» выменяли.

– Так-то оно так. Да от него за версту несет этой... как ее... буржуйской аристократией! Шо я комдиву скажу, ежели он поинтересуется?

– Так и скажите: честно добытый в бою трофей!

Обойдя автомобиль еще раз и поправив прикрепленный к запасному колесу штатив зеркала заднего вида, майор все-таки сдался:

– Эх, была не была! Готовь к отправке. Через час пришлю тягач...

* * *

Ближе к обеду американский «Студебеккер» притащил пострадавший в перестрелке «Хорьх» в расположение штаба полка. Он находился чуть в глубине от позиций Скрипкина, ближе к западному берегу Дуная и был обустроен в первом этаже длинного – в полквартала – полуразрушенного дома.

На улице по соседству с домом хозяйничал технический взвод: тянули провода связисты, у полевых кухонь колдовали снабженцы и повара. Санитары заняли пару комнат в первом этаже и занимались легкоранеными бойцами. Сами штабные, которых набралось всего три человека, занимали квадратную комнату на втором этаже.

«Хорьх» передали автомеханикам. Перекурив и обойдя подраненного «немца» со всех сторон, те принялись за работу. Один деловито поднял крышки капота и, вооружившись инструментом, закопался в моторе. Второй принялся латать пробойны в кузове. Третий куда-то побежал в поисках запчастей...

В Буде, ближе к западным холмам, еще слышались стрельба, взрывы гранат и мин. Бойцы Красной Армии преследовали и добивали разрозненные группы противника. Полку майора Стародубцева, оказавшемуся на острие атак Будапештской наступательной операции, дали пару дней передохнуть. В преследовании бежавших из города гитлеровцев полк участия не принимал.

С «Хорьхом» пришлось провозиться до позднего вечера. Рано утром механики закончили ремонтно-восстановительные работы: приладили добытое где-то лобовое стекло, наскоро залатали пробойны, заменили пробитое колесо, отрегулировали обороты мотора. И пригласили командира полка полюбоваться работой.

– Почеши меня оглоблей!.. – оторопел от увиденного Стародубцев. – Шо, неужто сладили, а?! Глазам своим не верю.

– А то как же, товарищ майор! Принимайте работу!

Не скрывая восторга, командир полка обошел отремонтированную машину. Еще вчера он был уверен: «Хорьх» силами технического взвода не восстановить. И грешным делом подумывал: не отдать ли его в дивизию? А сегодня... Следы пулевых пробойн и недавней аварии, конечно, были заметны, но теперь взгляд на них не задерживался. Автомобиль выглядел целым.

Садиться за руль Семен Агафонович наотрез отказался:

– Э, нет! Я все больше по конской упряжи: по саням, по извозу, по седлу. А тут сурьезный специалист нужен. Епифанов! Епифанов, растудыт твою в качель!

Сержант Епифанов – извечный водитель командира полка – отшвырнув замусоленную самокрутку и одернув гимнастерку, предстал перед начальством.

– Туточки я, товарищ майор!

– А ну, опробуй фашистского мерина.

Просияв от удовольствия, сержант уселся на место водителя. По-хозяйски осмотрелся, огладил руль и рычаг переключения скоростей. Глянул вниз, нащупал сапогом педали тормоза и газа. Затем, что-то прошептав, повернул торчащий в замке ключ зажигания.

Стартер сделал несколько оборотов, мотор схватился и мягко заработал. Епифанов выжал сцепление, включил первую передачу. Плавнo тронувшись, проехал несколько метров. Включив заднюю скорость, вернулся на прежнее место.

– Ну как? – нетерпеливо поинтересовался Стародубцев.

Испытатель неохотно покинул кабину и восторженно доложил:

– Дельный аппарат, товарищ майор. «Виллис», конечно, отличный автомобиль, но этот – просто царский. Еще бы на хорошей дороге его спытать.

Майор не сдержался:

– Дельный, говоришь? Тоды седлай его. Едем в дивизию на совещание, заодно и спытаем...

Глава шестая

СССР, Москва

Июль 1945 года

Происшествие с грузовиком всерьез насторожило Старцева. Позвав Егорова и Бойко, он при них подробно расспросил молодых людей о месте, о грузовике и обстоятельствах происшествия.

Вспоминая каждую мелочь, те описали все, как было.

– Что сами думаете по этому поводу? – спросил майор.

– Да я его и не видал, – с виноватым видом признался Баранец. – Если б не Костя, точно оказался бы под колесами.

– На бордюрный камень он ехал намеренно, – твердо заявил Ким. – Держал траекторию. А потом уж, подскочив на камне, крутанул руль влево.

– То есть сидевшего за рулем описать не можешь?

– Нет, Иван Харитонович. Секунды мне не хватило, чтоб бросить взгляд на кабину.

– М-да, – задумчиво сказал Иван. – Сложно сделать однозначное заключение.

Василий предположил:

– Может, кто по пьяному делу? Сейчас много бывших солдатиков устраиваются водителями. На фронте с них за вождение после выпивки никто не спрашивал – лишь бы задачу выполняли. А уж как они там ездили – один бог тому свидетель. Вот и в городах по привычке выписывают кренделя.

– Сомневаюсь. Скорее, попытка умышленного наезда, – возразил Бойко.

– Обоснуй.

– Если шофер водил грузовик по бездорожью фронтовых рокад, то уж на московском асфальте справится с завязанными глазами.

И этот довод оспорить было трудно.

Получасовое обсуждение не привело сыщиков к единому мнению.

– Короче, слушайте сюда, – подвел итог Иван Харитонович, обращаясь ко всем присутствующим в кабинете. – Как бы это происшествие мы ни квалифицировали, приказываю отныне всем усилить внимание и осмотрительность. Особенно когда ходите вдоль дорог, пересекаете их или приближаетесь к перекресткам. В общем, не расслабляться, включить максимальную осторожность и действовать как на фронте. Не исключаю, что какая-то сволочь желает с нами покончить за прошлые расследования.

– Или помешать текущим, – добавил умница Егоров.

* * *

Пока основная группа сыщиков под руководством Старцева проводила привычные оперативно-следственные действия, Васильков занимался автомобилем «Хорьх».

Для начала он снова отправился к начальнику технической экспертизы Гавриилу Марковичу Глазову. Правда, не один, а с фотографом Горшеней. По его просьбе Игнат переснял всю интересующую Василькова информацию: статьи, техническое описание, снимки и рисунки самого автомобиля.

Расследование убийств возле товарных станций через разработку автомобиля преступников казалось Василькову весьма перспективным вариантом. «Почему бы нет? Тем более что автомобиль оказался довольно редким, – рассуждал он. – Это ж не „эмка“, каких по Москве бегают тысячи!..»

Вооружившись добытым материалом, Александр отправился в Транспортный отдел Главного управления рабоче-крестьянской милиции. В стенах этого учреждения ему пришлось провести несколько часов. Зато, вернувшись на Петровку, он показал Ивану три архивные выписки.

– Три, Ваня! – радостно сообщил он. – На всю Москву всего три таких автомобиля! Ей-богу, я думал, будет не меньше десятка!

– Это упрощает дело, – Старцев спокойно рассматривал документы. – А насколько свежие эти данные?

– Первый «Хорьх» модели «830Вк» ввезен в столицу еще до войны. Вот выписка по нему.

– Ага. Находился в собственности генерал-полковника ВВС Гуляева Николая Дмитриевича. После его смерти перешел в собственность вдовы генерала – Гуляевой Дарьи Давыдовны. Номерной знак... Адрес... – внимательно читал Старцев. – Годится. Давай следующий...

– Второй «Хорьх» привезен из прифронтовой зоны в конце сорок четвертого года в качестве трофея и передан в распоряжение гаража Московского городского комитета ВКП(б).

– Так, понял. С этим тоже вопросов не будет – съездишь и проверишь его наличие и состояние. А что с третьим?

– Третий самый свежий – прибыл в Москву на грузовой платформе товарного состава незадолго до окончания войны, – пояснил Васильков. – Владелец – инвалид. Тут его краткие данные.

Ознакомившись с третьим владельцем, Иван Харитонович кивнул:

– Отлично, Саня. Теперь, не откладывая в долгий ящик, надо взять служебную машину и разобраться с каждым из трех «Хорьхов».

– Да я хоть сейчас!

– Если хочешь, составлю тебе компанию, ребята тут и без меня справятся.

– Конечно! – обрадовался Васильков.

Он хорошо справился с первым заданием, но для самостоятельного расследования опыта еще не хватало.

* * *

Дарья Давыдовна Гуляева постоянно проживала на даче в подмосковной Баковке. Уютное, спокойное и вполне себе удобное местечко. С севера огромный лесной массив, от которого вечерами тянуло свежестью и ароматами лиственных деревьев. С юга – пруды и знаменитый дачный поселок литераторов Переделкино. Тут тебе и железнодорожная станция, и асфальтовое шоссе, и все необходимые магазины. И до западной столичной окраины при случае недалеко добираться – всего-то с десяток километров.

Испросив в гараже служебную «эмку», фронтовые друзья расположились на ее заднем сиденье и тронулись в путь. Ехать предстояло около часа.

Пожилой водитель глядел на дорогу, крутил баранку, а иногда, забывшись, напевал под нос знакомую песенку из репертуара Леонида Утесова. Через опущенные стекла в кабину врывался горячий ветер. Иван зажал коленками свою трость и покручивал ее, о чем-то размышляя. Александр смолил беломорину и дивился превратностям судьбы, благодаря которым друзья вновь повстречались уже в мирной жизни.

Иван начал войну в артиллерии, после тяжелого ранения под Москвой попал в пехоту; за смекалку и отвагу был переведен в разведку, где и познакомился с Васильковым. Летом

1943 года разведгруппа возвращалась с задания, долго ползли через минное поле. По плоской местности шарили прожектора, сзади постреливали немецкие пулеметы. Так вышло, что пулей ранило бойца, а он, катаясь и скрипя зубами от боли, задел растяжку одной из немецких мин; взрывом серьезно повредило ногу Старцева. В госпитале хирурги едва собрали покалеченную ступню. Иван долго провалялся на больничной койке, каждый день разрабатывал ногу в надежде вернуться в строй. Но из армии его все-таки комиссовали.

Имея нестигаемую натуру, Старцев не сдался, не запил и в сторожа не подался. Приодевшись и подготовившись, он отправился на прием к начальнику Московского уголовного розыска. И приглянулся ему своей открытостью, бескомпромиссностью, напором и смекалкой. Так и попал на Петровку, 38. Здесь довольно быстро набрался опыта, дорос до руководителя оперативно-разыскной группы, получил майорские погоны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.